

Вскоре Цинь Чжэнь услышал голос Цзи Тинсэня, уже не такой чёткий, очевидно, он отодвинул телефон, мягко и привычно:

— Сяо Нин... Спасибо, подожди меня немного.

Цзи Тинсэнь, который стоял, сел на стул, который пододвинул Бай Нин, и боль в пояснице мгновенно ослабла.

Он увидел, что Бай Нин держит сценарий, и подумал, что тот, вероятно, хочет обсудить сцену, и спросил Цинь Чжэня:

— Ты выздоровел?

Цинь Чжэнь:

— ...Да.

Цзи Тинсэнь:

— Хорошо, береги себя. Если больше ничего, то я...

Цинь Чжэнь опередил его:

— Я занят, пока.

О, всё же, когда он болел, был более покладистым. Вспыльчивый ребёнок, подумал Цзи Тинсэнь, но не рассердился, напомнив себе, что в следующий раз, когда будет уходить из дома, нужно предупредить Цинь Чжэня.

Логичное требование, нет причин его не выполнять.

Тем временем Цинь Чжэнь, как школьник, считал, сколько раз он звонил Цзи Тинсэню.

Через несколько секунд он снова пересчитал и выругался.

После этого он снова посмотрел запись с камер, где Цзи Тинсэнь уходил.

Спустя много лет он не сможет забыть этот кадр: серый жилой комплекс, освещённый только уличными фонарями, молодой человек с изящной фигурой и кожей, которую даже ночная тьма не могла скрыть, медленно и одиноко уходящий.

Он выглядел немного жалко.

Нет, возможно, особенно жалко.

Цинь Чжэнь взглянул на пуговицу, которую он бросил на стол, вздохнул и вернул её на место.

Пусть у него будет хоть какое-то утешение, подумал он.

.....

На съёмочной площадке,

Когда Цзи Тинсэнь закончил разговор, Бай Нин с любопытством спросил:

— Брат Цзи, кто это звонил?

Он никогда не видел Цзи Тинсэня таким — элегантным и спокойным, как благородный молодой человек из книги, но с такой тёплой и терпеливой улыбкой.

Цзи Тинсэнь повернулся к Бай Нину:

— Друг.

Бай Нин очень хотел спросить, какой друг, но сдержался и спросил по-другому:

— А я считаюсь твоим другом?

Цзи Тинсэнь заметил беспокойство в глазах Бай Нина и улыбнулся:

— Конечно, ты мой маленький друг, который нуждается в заботе.

Бай Нин, застенчивый по характеру, смущённо улыбнулся, но в его глазах была тревога:

— Тогда маленький друг хочет спросить у большого друга, всё ли в порядке с твоим здоровьем?

После того как его избили, он не мог не искать Цзи Тинсэня, только видя его, он чувствовал себя в безопасности, поэтому даже когда у него не было съёмов, а у Цзи Тинсэня были, он оставался на площадке.

И поэтому он не мог не заметить, что во время перерывов Цзи Тинсэнь иногда слегка опирался на поясницу, и на его лице мелькало выражение дискомфорта.

Хотя это было лишь на мгновение.

Цзи Тинсэнь тихо сказал:

— Я немного потянул поясницу, это секрет, никому не говори.

Он не хотел говорить, что это из-за неудобного положения, чтобы не вспоминать неловкую ситуацию, и не хотел, чтобы об этом узнали все, чтобы не нарушать процесс съёмов.

Бай Нин:

— Но... ты уверен, что всё в порядке?

Цзи Тинсэнь несколько раз заверил его, что с его здоровьем всё в порядке, и только тогда Бай Нин перестал так беспокоиться, но затем тихо предупредил:

— Брат Цзи, сегодня у Фэн Инкая настроение плохое, хотя утром всё было нормально... Будь осторожен.

Бай Нин боялся Фэн Инкая, хотя знал, что Цзи Тинсэнь и Фэн Инкай хорошо ладят, но всё же не мог не беспокоиться.

Это беспокойство было не без оснований. Он видел, как Фэн Инкай весь день странно смотрел на Цзи Тинсэня, с каким-то недобрым, даже мрачным взглядом.

.....

В обед Цзи Тинсэнь и Фэн Инкай ели вместе.

Обед из коробок, в комнате Фэн Инкай.

Фэн Инкай действительно был не в духе, и атмосфера была напряжённой.

Цзи Тинсэнь случайно слышал, как Фэн Инкай разговаривал по телефону, и знал, что у него в последнее время были какие-то семейные проблемы:

— Если хочешь поговорить, я готов выслушать.

Перед началом съёмок Фу Цун узнал о происхождении Фэн Инкай, оказалось, что он из семьи зарубежных китайцев.

Судя по манерам Фэн Инкай, его семья была весьма состоятельной.

Богатство часто сопровождается конфликтами, и Цзи Тинсэнь видел это много раз, даже сам был участником, поэтому считал, что может быть хорошим слушателем.

Фэн Инкай поднял густые брови, казалось, с некоторой долей сожаления:

— Ты беспокоишься обо мне?

Цзи Тинсэнь ответил:

— Конечно.

Он помнил, как Фэн Инкай в спешке прибежал, когда он пошёл с Юань Нэном пообедать.

Фэн Инкай сказал:

— Хорошо, если понадобится, я расскажу.

Он хотел сказать, что предпочёл бы ночные разговоры, а ещё лучше — спать рядом, но боялся, что эти тёмные мысли выдадут его, и он потеряет даже дружбу с Цзи Тинсэнем.

Этот человек жил просто и ясно, но иногда создавал впечатление, что прошёл через многое и остался непоколебимым, что заставляло Фэн Инкай неудержимо влюбляться, но и бояться, что эта мудрость разгадает его тайны.

Если бы он не был женат... Фэн Инкай не раз думал об этом.

Цзи Тинсэнь передал свою заботу, но не настаивал, чтобы Фэн Инкай сразу рассказал ему всё или немедленно поправился.

Некоторые вещи нужно переживать самостоятельно, и только самому с ними справляться.

Он ушёл, не заметив мрачного взгляда мужчины за своей спиной.

Тот взгляд скользил по его рубашке и брюкам, подчёркивая стройную талию, и, заметив, что движения Цзи Тинсэня были скованными из-за скрытой боли, Фэн Инкай ревновал до безумия.

Он ещё не встречал Цинь Чжэня, но уже ненавидел его.

Если ты не любишь его, зачем трогать!

.....

Вечером Инь Ляньюнь заказал шашлыки.

На съёмочной площадке, когда не снимают, обычно скучно, едят, пьют, играют в карты или болтают, а если есть с кем пообщаться — это просто замечательно.

Для него Бай Нин и Цзи Тинсэнь были такими людьми.

Однако чтобы проявить уважение к самому влиятельному человеку на площадке, он символически пригласил Фэн Инкаю.

Честно говоря, Инь Ляньюнь немного побаивался Фэн Инкаю.

Не из-за его привлекательной внешности, а из-за той холодности и высокомерия, что исходили от него, — это было что-то, что создавалось деньгами и властью, заставляя таких маленьких актёров, как он, чувствовать себя ниже.

Но удивительно, что когда Цзи Тинсэнь и Фэн Инкай стояли вместе, не было ощущения подавления, всё было естественно и гармонично, они не затмевали друг друга, но и не теряли себя.

И не только с Фэн Инкаем, а со всеми.

Он был на вершине по внешности и харизме, но при этом не был отчуждённым, мог влиться в любую компанию, но если ты увидишь его в толпе, то не сможешь отвести взгляд.

Инь Ляньюнь размышлял, как вдруг услышал вопрос Фэн Инкаю:

— Кто идёт?

— Цзи Тинсэнь, Бай Нин, и...

— Во сколько?

— ... — Неужели он действительно придёт? Инь Ляньюнь удивился:

— Скоро, просто приходи.

Уйдя от Фэн Инкаю, Инь Ляньюнь пригласил и других, включая помощника режиссёра и ещё несколько человек. Больше людей — меньше напряжения, и ему будет проще с Фэн Инкаем.

Фэн Инкай пришёл позже, он пожалел, что так быстро согласился, и искал предлоги, чтобы не идти, по крайней мере не сегодня.

Но не смог удержаться.

В коридоре было полно людей, и запах приправ для шашлыков раздражал Фэн Инкаю. Инь Ляньюнь не сказал, что пригласит столько людей.

Он уже совсем забыл, что, услышав чьё-то имя, сразу прервал его.

— Режиссёр!

— Фэн Инкай!

— Режиссёр, брат Цзи внутри...

Многие расступились, чтобы пропустить Фэн Инкаю, зная, что он и Цзи Тинсэнь близки, и чаще всего упоминали его имя.

Цзи Тинсэнь, услышав шум, поднял шашлык из острой говядины и позвал Фэн Инкаю:

— Здесь, я оставил тебе место.

Человек в плохом настроении заслуживает особого отношения.

Бай Нин сидел рядом с Цзи Тинсэнем и, пока большинство обращало внимание на Фэн Инкаю, положил перед Цзи Тинсэнем ещё несколько шашлыков из острой говядины.

Они заказали много разных видов шашлыков, но каждого было мало, и он знал, что Цзи Тинсэнь любит это.

Фэн Инкай сел.

Цзи Тинсэнь открыл для него банку напитка:

— Ты пришёл поздно, мы уже начали, но я оставил тебе, в отдельной коробке.

Он знал, что Фэн Инкай не в духе, поэтому не стал его торопить, пусть приходит, когда захочет.

Но если бы Фэн Инкай не пришёл, никто бы не начал есть.

Это было не дело, поэтому он решил оставить немного каждого вида и начал есть.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16159/1447815>